DOI: 10.24412/cl-37382-2026-3-76-78
Дата поступления рукописи в редакцию: 28.06.2026 г.

ЯЦЕНКО Антонина Владимировна,
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры русского языка
для иностранных учащихся гуманитарных факультетов,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
e-mail: mail@law-books.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОДИНОЧЕСТВО» В ПРОЗЕ И.А. БУНИНА И ЕГО ПРЕЗЕНТАЦИЯ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. *Статья посвящена изучению лексико-семантического поля «одиночество» в прозе И.А. Бунина – одного из наиболее репрезентативных авторов русской классической литературы, чьи тексты традиционно включаются в учебные программы по русскому языку как иностранному (РКИ). На основе анализа рассказов «Господин из Сан-Франциско» и «Сны Чанга» выявляются ядерные и периферийные единицы поля, описывается их семантическая структура и стилистическое функционирование. Предлагается методическая модель презентации данного материала в иностранной аудитории: этапы работы с текстом, типы лексических упражнений, приемы формирования лингвокультурной компетенции. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания РКИ на продвинутом уровне (В2–С1).*

Ключевые слова: *лексико-семантическое поле, концепт «одиночество», проза Бунина, русский язык как иностранный, лингвокультурная компетенция, методика преподавания РКИ.*

YATSENKO Antonina Vladimirovna,
Candidate of Philological Sciences,
Lecturer in the Russian Language Department
for International Students in the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

THE LEXICO-SEMANTIC FIELD OF «LONELINESS» IN I.A. BUNIN'S PROSE AND ITS PRESENTATION TO A FOREIGN-LANGUAGE AUDIENCE

Annotation. *The article examines the lexico-semantic field of "loneliness" in the prose of I.A. Bunin – one of the most representative authors of Russian classical literature, whose texts are traditionally included in curricula for Russian as a Foreign Language (RFL). Drawing on an analysis of the short stories "The Gentleman from San Francisco" and "The Dreams of Chang", the study identifies the core and peripheral units of the field, describes their semantic structure and stylistic function. A methodological model for presenting this material to foreign learners is proposed, including stages of work with the text, types of lexical exercises, and strategies for developing linguocultural competence. The findings may be applied in advanced-level RFL instruction (B2–C1).*

Key words: *lexico-semantic field, concept of "loneliness", Bunin's prose, Russian as a Foreign Language, linguocultural competence, RFL teaching methodology.*

Введение

Художественная проза Ивана Алексеевича Бунина представляет собой богатейший лексический материал для занятий по русскому языку как иностранному. Его рассказы включают обширный пласт эмоционально-психологической лексики, отражающей ключевые концепты русской языковой картины мира. Среди таких концептов особое место занимает «одиночество» – философски насыщенная категория, не имеющая прямых семантических эквивалентов в ряде языков мира и потому вызывающая особый интерес в межкультурном плане [1]. Экзистенциальная тема изолированности человека пронизывает все творчество Бунина; по наблюдению исследователей, именно это чувство писатель считал глубоко личным: за его публичной общительностью скрывалось, по его собственному признанию, «внутреннее одиночество» [2].

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, концептуальный анализ художественного текста признается одним из наиболее эффективных путей формирования лингвокультурной компетенции иностранных учащихся [3]. Во-вторых, в методике РКИ недостаточно разработан аспект системной подачи поля эмоциональных состояний на материале конкретных авторских идиолектов. Цель настоящей статьи – описать структуру лексико-семантического поля «одиночество» в прозе Бунина и предложить методическую модель его презентации в иностранной аудитории на уровнях B2–C1.

Теоретические основания

Понятие лексико-семантического поля восходит к работам Й. Трира и активно разрабатывалось в отечественной лингвистике. В настоящей работе мы опираемся на полевую модель, предложенную З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, согласно которой поле имеет ядро, ближнюю и дальнюю периферию, а составляющие его единицы объединены общей архисемой [4]. Лексико-семантическое поле понимается как совокупность слов и словосочетаний, связанных парадигматическими отношениями на основе общего семантического компонента, причем границы поля принципиально открыты [5]. Концептуальный подход, активно применяемый в лингвокультурологии, позволяет рассмотреть «одиночество» не только как лексему, но и как ментальную единицу, несущую культурно специфичные смыслы [3]. Для задач РКИ принципиально важно, что художественный текст является одновременно источником языковых фактов и носителем культурной информации, без освоения которой невозможно адекватное понимание русской речи [6].

Структура поля в прозе Бунина

Анализ рассказов «Господин из Сан-Франциско» (1915 г.) и «Сны Чанга» (1916 г.) [7] позволяет выделить следующие уровни поля.

Ядро поля представлено прямыми номинациями состояния: *одиночество, одинок, одинокий.* В «Снах Чанга» данные лексемы образуют сквозной мотив повествования: жизнь капитана осмысляется как постепенное углубление в одиночество, которое неотделимо от утраты любви и смысла. Семантически ядро поля связано с идеей отторгнутости от мира людей и утраты смыслообразующих связей.

Ближняя периферия включает слова с общей семой «изоляция» или «отчуждение»: *пустота, отчуждение, тоска, безлюдный, заброшенность, молчание.* В «Господине из Сан-Франциско» тоска и пустота характеризуют не субъективное переживание персонажа, а его объективное положение в мире, где деньги выступают единственным языком коммуникации. Смерть господина в отеле, его погружение в молчание и последующее безразличие окружающих создают апогей одиночества как экзистенциального состояния.

Дальняя периферия формируется лексемами и образными структурами, лишь косвенно отсылающими к семантике одиночества через пространственные и предметные коннотации: *темный угол, пустое море, глухая ночь, чужой берег, мертвая тишина.* Пространственная символика у И.А. Бунина неизменно психологически нагружена: море в «Снах Чанга» одновременно прекрасно и враждебно, отражая амбивалентность одиночества. Примечательно, что в бунинском идиолекте поле обогащается контрастными составными единицами – *безнадежно-счастливый, блаженно-смертная* – создающими оксюморонный эффект соединения противоположных переживаний.

Отдельного внимания заслуживает глагольный пласт поля. Глаголы *молчать, замолкать, уходить, таять, растворяться* фиксируют не статичное переживание, а его движение: одиночество у И.А. Бунина разворачивается во времени, нарастает и достигает предела в смерти или в окончательном отчуждении от мира. Для иностранного учащегося эта глагольная группа представляет особую сложность: недостаточно знать денотативное значение каждого слова – необходимо понимать, как приставка меняет семантику *(молчать – замолкать)*, чем обусловлен выбор вида и какой аспектуально-временной смысл стоит за той или иной формой в конкретном контексте.

Методическая модель презентации в иностранной аудитории

Обращение к лексико-семантическому полю на занятиях по РКИ требует поэтапной организации учебного процесса [6]. Принципиально, что каждый этап опирается на предыдущий: работа строится не по линейному, а по концентрическому принципу – от первичного знакомства с лексикой к ее осмыслению в тексте и затем к самостоятельному употреблению в речи.

До чтения текста студентам целесообразно предложить работу с синонимическим рядом одиночество – *тоска – грусть – уединение:* не для заучивания дефиниций, а для наблюдения над смысловыми границами каждого слова. Показательно, что именно здесь чаще всего возникает содержательная дискуссия: слово тоска не имеет точного эквивалента во многих языках, и уже это обстоятельство открывает разговор о том, как русская культура концептуализирует эмоциональный опыт иначе, чем другие. Подобный вход в материал через «непереводимое» слово, по наблюдениям методистов, оказывается более продуктивным, чем традиционный предтекстовый словарный комментарий. Эффективным приемом также является составление предтекстовой семантической карты поля.

На текстовом этапе учащиеся работают с отрывком из рассказа, выполняя задания аналитического характера: выявление слов и выражений, относящихся к полю одиночества; определение их позиции в тексте (ядро или периферия); наблюдение за синтаксическими конструкциями, в которых они употреблены. Работа с авторскими окказионализмами (оксюморонными определениями типа безнадежно-счастливый) развивает языковую догадку и расширяет представления о словообразовательных возможностях русского языка.

На послетекстовом этапе проводится обсуждение прочитанного с опорой на лексику поля, выполняются задания на трансформацию и перефразирование. Продуктивными форматами являются написание монолога от лица персонажа, устная дискуссия о разграничении понятий «одиночество» и «уединение», сопоставление с аналогичными концептами в культуре родной страны студентов. Такой лингвокультурологический диалог повышает мотивацию и способствует глубинному усвоению лексики в ее культурном измерении [3].

Заключение

Лексико-семантическое поле «одиночество» в прозе Бунина организовано по ядерно-периферийному принципу и включает разноуровневые единицы: прямые номинации состояния, слова с семой отчуждения и изоляции, пространственные образы и авторские окказионализмы. Этот богатый лексический материал обладает высоким дидактическим потенциалом для занятий по РКИ: он позволяет одновременно работать над лексикой эмоциональных состояний, словообразовательными моделями, синтаксическими конструкциями и безэквивалентной лексикой. Предложенная трехэтапная модель работы с текстом ориентирована на формирование лингвокультурной компетенции, без которой невозможно полноценное понимание русской классической прозы.

Список литературы:

[1] Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.

[2] Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 5. С. 5–197.

[3] Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Академия, 2001. 208 с.

[4] Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. 148 с.

[5] Стернин И.А. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с.

[6] Крючкова Л.С., Мощинская Н.В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. М.: Флинта: Наука, 2009. 480 с.

[7] Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско. Сны Чанга // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 4. С. 64–85, 122–138.

References:

[1] Vorkachev S.G. Happiness as a Linguocultural Concept. Moscow: Gnosis, 2004. 236 p.

[2] Bunin I.A. The Life of Arsenyev // Bunin I.A. Collected Works: in 6 volumes. Moscow: Fiction, 1987. Vol. 5. pp. 5–197.

[3] Maslova V.A. Lingvoculturology: a textbook. Moscow: Academy, 2001. 208 p.

[4] Popova Z.D., Sternin I.A. The Lexical System of Language. Voronezh: Voronezh University Publishing House, 1984. 148 p.

[5] Sternin I.A. Semantic Analysis of a Word in Context. Voronezh: Istoki, 2011. 150 p.

[6] Kryuchkova L.S., Moshchinskaya N.V. Practical Methods of Teaching Russian as a Foreign Language. Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 480 p.

[7] Bunin I.A. The Gentleman from San Francisco. Chang's Dreams // Bunin I.A. Collected Works: in 6 volumes. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1987. Vol. 4. pp. 64–85, 122–138.